

Каспий – геополитика и экология

События последних лет в Ираке, Ливии и Сирии вернули к обсуждению тему о построении многополярного мира, границах государств, связанных общими энергетическим и эколого-экономическими балансами. В русле обсуждений оказался и тезис десятилетней давности о «Каспии — центре многополярного мира». В годовщину юбилейного со дня появления года концепции наш корреспондент И.Панарин побеседовал с одним из ее авторов - экс-министром энергетики РФ, Полномочным и Чрезвычайным послом Виктором Ивановичем Калюжным.

— Добрый день, Виктор Иванович! Хотелось бы вернуться к событиям шестилетней давности, форуму «Каспий — центр многополярного мира», который проводился в Баку под вашим патронажем. Сегодня симпатии нефтяников отданы Арктике, мы пишем о том, как и чем «чистить» Арктику, а иностранные инвесторы не спешат вкладываться в Штокмановское месторождение. Почему вдруг в рамках энергетической недели звучит от вас слово «Каспий»? Каспий вновь будоражит умы?

— Именно будоражит, и это правильно, потому что это очень серьезный вопрос, а главное — регион. Вы правы, северное направление, Арктика, сегодня широко обсуждается. Я считаю, что северное направление — это политика, а Каспий — это геополитика. Если говорить о Севере, я считаю, да, шельф — это очень важно сегодня, но шельф шельфу рознь. То, что мы сейчас начали двигаться в сторону Арктики, это, конечно, неплохо, но особой радости в том я лично не разделяю. Буду рад, если мы начнем заниматься ресурсной базой в тех районах, где сегодня развита инфраструктура и себестоимость этой продукции будет сопоставима с потребностями рынка. А Север, кстати, это и Штокмановское месторождение, и то, что связано с Ямалом, — все это хорошо с точки зрения наличия ресурсов и устойчивого места России в мировой энергетической политике, но с точки зрения экономики здесь одни вопросы. Вот шельф Сахалина, с моей точки зрения, — весьма

перспективен, потому что показывает иные цифры оценки экономической выгоды, да и рынок Востока более стабильный.

Теперь что касается Каспия. Я всегда говорил, что это совершенно особый регион, сегодня он, как я понимаю, может быть раздражителем и консолидатором всех экономических и политических проблем, которые могут возникать и уже возникли после распада Советского Союза. Без оптимального решения Каспийского узла разыгрывать карту постсоветского пространства не имеет смысла.

Я считаю, что очень правильно и своевременно в 2000 г. было принято предложение Президента России Владимира Путина вынести до главу угла проблему Каспия и начать ее решать. Инициатива Президента России дала возможность за относительно короткое время достаточно серьезно продвинуться в решении сложнейших вопросов — и как итог три государства подписали соглашение. Кстати, подписание трехстороннего соглашения с Казахстаном и Азербайджаном было серьезной победой российской дипломатии. Но, к сожалению, началось реформирование Правительства, начали урезать чиновничий аппарат, и «под нож» попал Каспий. Тема Каспия сразу потеряла статус приоритетной, осталась просто одним из направлений в структуре МИДа. Чувствуете разницу? Уровень президентского внимания давал мне возможность встречаться с президентами, а уровень посла по особым поручениям только дает право протокольно встречаться на том уровне, который ты представляешь сегодня в структуре МИДа. И это глубочайшая тактическая ошибка, которая не позволила двигаться дальше. Удивляет только, что руководство МИД не задает себе вопрос, почему на том этапе российская дипломатия была лидером в этом регионе, а сейчас нет.

А ведь все предпосылки сделать следующий шаг по решению проблем Каспия были. Смена лиц за столом переговоров, уход из жизни Гейдара Алиева, человека, который активно поддержал идеи России по делению дна

Каспийского моря, и уход Сапармурата Ниязова, президента Туркменистана. Качество смены лиц за столом переговоров можно обсуждать, но что неоспоримо, так это то, что эта смена давала возможности сделать очередной шаг в урегулировании статуса Каспия. Стороны были готовы сесть за стол, но не по собственной инициативе. Здесь должна была быть инициатива третьей стороны, и это могла сделать только Россия. И тогда бы Иран остался в одиночестве и был вынужден принять решение большинства. Проблему Ирана можно было решать с помощью экономической составляющей, которую в этой ситуации, я считаю, он бы принял. Но, к сожалению, этого не было сделано, и мы с 2004 г. буксуем, не сделав ни одного шага вперед в вопросе статуса.

Впрочем, определенные плюсы есть. Наконец была решена проблема военной составляющей, так как все государства начали создавать свои пограничные морские силы, а это уже милитаризация Каспия. Я всегда говорил, что этот маленький клочок воды нельзя ни в коем случае милитаризовать. Должна быть единая сила, и в качестве этой единой силы должна выступать Каспийская флотилия России. К счастью, через 5 лет все участники переговоров пришли к этому решению, что абсолютно правильно. Хотя и остались в каждом государстве свои военно-морские силы, они называются пограничными. Предтеча этой ошибки в том, мне кажется, что не все однозначно видели будущее в СНГ.

— Уточните, вы считаете, что большая часть ошибок на Каспии от взаимного недоверия? Ожидание нестабильности?

— Теперь уже можно сказать без оглядок, что как единая объединяющая структура на постсоветском пространстве СНГ не сработала. При этом следует отметить, что это была абсолютно правильная и абсолютно справедливая структура после распада СССР, но вот продолжения она не получила, потому что на том этапе (1990-е и начало 2000-х годов) в ней не была заложена экономическая составляющая. Кстати, в тот период экономическая составляющая российской экономики была построена на энергетической базе. Еще в 1999 и 2000 г.

мы высказывали предложение относительно того, что нужно создать единый энергетический баланс четырех стран — России, Казахстана, Украины и Белоруссии. На первом этапе. А затем к ним бы присоединились и Узбекистан, и Туркмения, и Азербайджан. И это могло бы стать основой стабильности и жизнеспособности структуры СНГ. Сейчас так получилось, что есть СНГ и есть еще Евразийский союз. С одной стороны, между ними можно поставить знак равенства, но с другой стороны, возникает совершенно справедливый вопрос: зачем нужны две структуры, которые в какой-то степени себя повторяют?

Я не готов дать прямого ответа на этот вопрос, но могу привести историческую аналогию: когда люди не знают, что делать дальше, начинается реструктуризация. Я считаю, что это неправильно, в том числе и административная реформа, которая показала свою недееспособность, потому что она как таковая уже показала свою слабую сторону. Например, агентство по энергетике было ликвидировано, а это, напомню, все-таки структура, которая занималась координацией деятельности организаций по разработке прогнозов развития в энергетическом комплексе.

— Вы говорили сейчас о 2000-х годах, о близком, но прошлом, а если посмотреть в будущее? Сейчас в ТЭКе появились новые люди (я говорю об Аркадии Дворковиче), новые идеи. Что вы видите дальше? С одной стороны, мы говорим о развитии отечественного ТЭКа, а с другой — об энергетическом балансе, о формировании заинтересованных сообществ государств на базе энергетического баланса.

— Скажу откровенно, с точки зрения того аналитического массива, который мы обработали на сегодня, оценивать перспективы нынешней ситуации, и той, что сложится к концу года, довольно сложно. Относительно ТЭКа: в Правительстве есть Дворкович, а у Президента — Сечин, я имею в виду комиссию. У Правительства есть Министерство энергетики, а у Президента — комиссия. И я так понимаю, что «комиссия в лице Сечина» будет всегда сильнее, чем министерство, если принять во внимание высокий авторитет Игоря Ивановича в энергетическом секторе. И

конечно сегодня сложно оценить, каким в перспективе окажется баланс сил в этом векторе взаимодействия. Дело в том, что ровно 10 лет назад я был у Дмитрия Анатольевича Медведева, и мы с группой товарищей предложили создать эту комиссию при Президенте Владимире Владимировиче Путине — тогда начали накапливаться большие проблемы в энергетике. Наше предложение не встретило тогда поддержки. Напомню, в энергетике кризис начался примерно с 1990 г. Предлагаемая нами комиссия могла быть построена по примеру знаменитой «Рейгановской комиссии», которая дала возможность подтянуть энергетику США до такого уровня, что сегодня по технологическим показателям она перегоняет российскую энергетику, правда, не перегоняет энергетику СССР. Есть оценочные сравнительные показатели, которые, увы, сегодня даже стыдно называть. И вот через 10 лет эта комиссия создается. Если спросите меня, надо или не надо было ее создавать, отвечу: я лично считаю, что она создается правильно, потому что сложно в этой ситуации что-то менять в структуре Правительства. Но если бы зампредом Правительства остался Сечин, комиссию не надо было бы создавать. Если бы министром энергетики был Сечин, эту комиссию не надо было бы создавать вдвойне. Потому что Сечин за это время создал вертикаль государственного контроля и управления в энергетике. Плохая она или хорошая - это уже отдельный вопрос. Но он создал то, чего не было с 2000 г. С 1998 г., когда я пришел в министерство, и до 2000 г. мы именно пытались выстраивать государственную вертикаль в энергетике, но тогда идея не была понята. Сейчас Сечин переломил инерцию этого непонимания.

Воздержусь от однозначных оценок, потому что вопросы в энергетике очень сложные, и к решению накопившихся проблем мы еще даже не подошли. Мы катастрофически проигрываем стратегическую схему ресурсного обеспечения энергетики. Хотя об этом не говорится, но все специалисты понимают, что в России подготовленных ресурсов нет. Однако есть возможность быстро и эффективно поправить эту ситуацию. В

Росгеологии сегодня есть предложения по решению этого вопроса в кратчайшие сроки.

— Уточните, за счет какого региона «поправлять ситуацию»?

— Отвечу политкорректно: это не только Восточная Сибирь, но и территории, на которых сегодня идет добыча нефти и где достаточно высокая изученность (это и Татарстан, и Башкирия, Коми, и Каспий, и Предуралье, и Западная Сибирь). Нужно понимать, что Восточная Сибирь требуют совершенно нового подхода к ресурсной политике. К сожалению, сегодня мы живем только за счет той ресурсной базы, которая была создана в Советском Союзе. А все, что мы приращиваем, это далеко не то, что должно называться приростом ресурсов. Мы просто занимаемся уточнением ранее разведанных запасов.

— Кое-что из «между строк». Вы сказали, что необходимы дешевые ресурсы. Означает ли это, что мы находимся на пороге значительного снижения цен на энергоносители?

— На сегодня, в моем понимании, легких запасов, если их можно так назвать, хватит на 4—5 лет, а все остальное — трудноизвлекаемые запасы, и 75% трудноизвлекаемых запасов потребуют качественно иного I подхода, других технологий и других затрат. И мы, к большому сожалению, в этом направлении уже примерно 20 лет не работаем. Система новых методов, которая в Советском Союзе стояла на очень высоком месте, сегодня фактически разрушена. А что такое новые методы? Это те, которые дают возможность добывать ту нефть, которая остается за пределами досягаемости существующих технологий. Сейчас новыми методами мы добываем только 1% нефти (в США этот показатель — более 30%). И это очень серьезное упущение, потому что в определенное время формируя структуру управления в Новой России, хотя и понимали, что нефть нужно добывать и создали Министерство топлива и энергетики, но Министерство геологии посчитали ненужной структурой и ликвидировали его, решив, что ресурсами будут заниматься нефтяные компании, в том числе частные. Глубоко убежден, что создание ресурсной базы — дело государства. Эксперты предупреждали, что частные компании никогда не будут этим

заниматься. Во многом причина большинства просчетов в том, что на определенных этапах в руководство ТЭК приходили люди, которые не знали что делать, как делать, в том числе из-за отсутствия знаний и опыта.

— Вы считаете, что необходимо введение персональной ответственности за стратегические просчеты и поощрения за стратегические выигрыши?

— Думаю, что персональная ответственность должна быть всегда. Поэтому сегодня необходимо резко изменить крен в сторону создания структур, которые будут заниматься экстренным ресурсным обеспечением на государственном уровне. Потому как создание ресурсной базы, еще раз хочу повторить, это дело государства, а не частных лиц.

— То есть вы говорите о некоей структуре на государственном уровне, которая бы занималась подготовкой ресурсов?

— Да, как Министерство геологии, которое занималось ресурсной базой. Его ликвидировали и теперь этим никто не занимается уже в течение 20 лет.

— Предлагаю вернуться к вопросам геополитики. Вот у вас карта — тут и Каспий, тут и Сирия, и Иран, которые сегодня на слуху, на относительно небольшом клочке земли. Вам вопрос как к дипломату: что можно ждать из этого треугольника в ближайшее время?

- К сожалению, Россия упустила роль стратегического лидера в обеспечении той политики, которая должна быть сегодня на Каспии. Эта политика началась в 2000 г. И дело не том, что пришел Калюжный, а в том, что Президент России В.В.Путин начал этим заниматься в лице своего спецпредставителя. А с 2004 г. в этом вопросе началась стагнация, и мы получили узел со сложными проблемами. Три государства разрабатывают нефтяные месторождения, а другие два не могут этого делать, и это их раздражает. США лоббируют прокладку транскаспийского газопровода, который абсолютно не выгоден для России, и т. д.

В Советском Союзе северная часть Каспия была заповедной зоной. Некоторые месторождения не разрабатывались, потому что там идет нагул осетра. Когда в

Мексиканском заливе разлилась нефть, пострадали животный мир, пляжи. Часть нефти там собрали, часть опустилась на дно, и ее просто съела рыба — это же органика. Неприятность только в том, что рыба будет пахнуть. Опасность Кашаганского месторождения на Каспии — сероводородная нефть. Если сегодня на Кашагане произойдет какая-то авария, Каспию будет нанесен непоправимый урон. Сероводород — страшная вещь, уловить его невозможно. (Первые «звоночки» уже были — если вспомнить гибель лебедей, гибель тюленей. Это закрытая тема, которая не получила окончательного расследования, и причины гибели птиц и животных были названы другие. На самом деле там был небольшой выброс сероводорода, но и его хватило для таких последствий.)

Поэтому, я считаю, с точки зрения экологической безопасности Каспий находится в катастрофической ситуации. Мало того, что в северной его части малые глубины (около 5 м, потом идет 15 м ила), вдобавок мощной техники, которая нужна для ликвидации возможных осложнений, нет как таковой. А кроме того, Казахская сторона, в условиях договора СРП, практически не контролирует работу иностранных добывающих компаний, и это является очень серьезным фактом, о котором почему-то не говорят. (Напомню, Россия в 1990-е годы вела все проекты Сахалина по СРП, но отказались от этого в конце концов. Сегодня результаты прошлого решения всем известны — серьезные экологические проблемы в том регионе.)

— Я вас пытался подтолкнуть к разговору о возможной военной угрозе, а вы говорите, что страшнее всех политических коллизий — экологический риск.

— Потому что военной угрозы может и не быть, а если что-то начнется, то когда-то и закончится. А вот экологическая

катастрофа на Каспии, с учетом свойств сероводорода, если случится, то никуда не закончится. Экология — вот в чем сегодня

«перспективная» проблема Каспия. И положительный пример в ее решении показала все-таки Россия. Так, «ЛУКОЙЛ» работает на Каспии по принципу «нулевого сброса».

Мне кажется, Россия во взаимоотношениях с казахской стороной пока не имеет четкой позиции в том, что нужно делать и что нужно в этой ситуации контролировать. Еще по советскому закону с 1974 г. и до сих пор Северный Каспий имеет статус заповедной зоны. Мы говорили о необходимости переутверждения этого закона в рамках соглашения России и Казахстана, но инициатива не встретила поддержки.

И еще раз о созданной комиссии при Президенте. Раз она по энергетике и экологии, стало быть, для того чтобы она была действенной, я бы в эту комиссию не включал ни одного нефтяника из существующих нефтяных компаний, тем более частных. Там должны быть независимые специалисты от государства, не связанные ни с одной нефтяной компанией. А сегодня в этой комиссии все магнаты нефтяного бизнеса, которые всегда будут отстаивать именно свои интересы.

Вообще-то Каспийское море в прошлом году наряду с озером Байкал вошло в список 11 «незаменимых» экосистем мира, в которых обитают уникальные морские и речные виды. Начало же промышленного освоения Северного Каспия привело к сокращению осетровых в 20 раз. Россия утратила статус поставщика черной икры, под угрозой уже давно находится рыболовная отрасль, которая дает работу сотням тысяч жителей региона. Я имею в виду официальный, а не браконьерский вылов рыбы. Сегодня, по оценкам независимых экспертов, Каспий является одним из самых загрязненных водоемов мира — что еще можно говорить?! Я думаю, пришло время что-то делать. Считаю целесообразным создание в России фонда содействия спасению Каспия, по аналогии с Байкалом. Фонд должен строиться как международная независимая неправительственная организация, которая будет осуществлять взаимодействие с правительством, профильными министерствами и ведомствами. Могу привести прототипы для формирования такого фонда:

скандинавская компания «Статойл», опять же наша компания «ЛУКОЙЛ», очень серьезно занимающиеся охраной окружающей среды, работая на Каспии.

— Хочу воспользоваться случаем и спросить у нефтяника, почему Иосиф Сталин поверил Ивану Михайловичу Губкину, когда тот к нему пришел с проектом поискать нефть там, где, как едва ли не хором заявляли эксперты, ее не может быть?

— В этом случае необходимо говорить не о роли Губкина, а роли Сталина. Ведь на самом деле Сталин был достаточно высокообразованный человек. Он много читал, всему учился, все успевал. И у него было какое-то внутреннее чутье, которое не может появиться у безграмотного человека. Сталин почувствовал, что Губкин — специалист, профессионал, нужный для государства, для нефтяной отрасли. И мы знаем, что Губкин оправдал это доверие.

Вообще считаю, что будущее России на Востоке, и ШОС в этом плане — базовая площадка.

Сегодня говорят, что ребенок в 12-14 лет вправе определять, как ему жить дальше. Учителя уже не имеют прав. В мое время мы и представить не могли, как можно учительнице сказать что-то плохое. А сейчас учителя боятся школьников и их родителей. Потому что хваленое ювенальное право приходит к нам из Европы. Сегодня оно не прошло, но завтра, когда придут более молодые люди, оно пройдет. В советское время мне нужно было пройти путь от оператора до министра, а сегодня можно со студенческой скамьи попасть в министры. Разве это правильно? Вундеркинды есть, но эксперименты со страной делать ненужно, мне кажется.

— Мы оттолкнулись от Каспия, а уткнулись в вопросы энергетики, истории, философии... И в завершение: какой вопрос, с вашей точки зрения, еще не был задан?

— Почему в государстве Россия нет государства?

Кашкаган - нефтегазовое месторождение на территории Казахстана,

расположенное на севере Каспийского моря. Относится к Прикаспийской нефтегазоносной провинции. Открыто 30 июня 2000 г. Является одним из самых крупных месторождений в мире, открытых за последние 40 лет, а также крупнейшим нефтяным месторождением на море. Начало промышленной добычи нефти на Кашганском месторождении неоднократно переносилось и ныне назначено на конец 2012 г.

Экологические проблема добычи нефти Кашагана связаны с высоким содержанием попутного газа — сероводорода. Он отвратительно пахнет, очень токсичен и коварен: при большой концентрации во вдыхаемом воздухе у человека наступает паралич обонятельного нерва, и запах сероводорода не ощущается. Даже однократное вдыхание может вызвать мгновенную смерть.

По данным оператора проекта North Caspian Operating Company (NCOС), общие нефтяные запасы составляют 38 млрд баррелей, или 6 млрд т, из них извлекаемые - около 10 млрд баррелей. Запасы природного газа — более 1 трлн м³.

Компании-партнеры по проекту «Кашаган»: Eni, KMG Kashagan B.Y.(дочернее предприятие Казмунай-газа), Total, ExxonMobil, Royal Dutch Shell имеют по 16,81% доли участия, ConocoPhillips - 8,4%, Inpex -7,56%.

Для транспортировки кашаганского газа планируется создание морского газопровода «Кэшаган – Карэ-батан» Далее газ будет транспортироваться в Россию по магистральному газопроводу «Средняя Азия -Центр» (оператор газопровода Интергаз Центральная Азия («дочка» АО «КазТрансГаз») и по газопроводу из Казахстана в Китай.

Источник: Экология и жизнь.-2012.-№9.-
С.22-26.